

RUSSIA

The circulation of this report has been strictly limited to the members of the
Trialogue Club International
and of the Centre russe d'études politiques.

This issue is for your personal use only.

Published monthly in Russian and in English
by Trialogue Company Ltd.

Issue № 11 (227), vol.14. November 2015

16 декабря 2015 г.

Дмитрий Евстафьев сообщает из Москвы:

ПРОТИВОБОРСТВО ВНЕШНИХ СИЛ В СИРИЙСКОМ КОНФЛИКТЕ:

ВЫЗОВЫ ПЕРЕХОДНОГО ПЕРИОДА И РОЛЬ РОССИИ

АННОТАЦИЯ

С развитием воздушной кампании России в Сирии, направленной на подрыв экономической базы "Исламского государства" (ИГ), внутренние источники развития сирийского конфликта и масштаб затронутых им территорий существенно сократились. Сократилось и количество активных сил, заинтересованных в поддержании "управляемого хаоса" в этом важнейшем с геополитической точки зрения регионе. Однако, как считает профессор Высшей школы экономики, член Совета ПИР-Центра политолог Дмитрий Евстафьев, Сирия не перестает быть территорией "проку вар" для России, США и других государств. В условиях "цепной реакции" решений об участии в сирийском конфликте нельзя исключать вариант контролируемой эскалации противоборства внешних сил в регионе, считает политолог.

Оценивая стратегии и цели участия России в конфликте, эксперт полагает, что приоритетной для Москвы является задача консолидации территории, контролируемой Дамаском, но при этом приемлем вариант глубокой реструктуризации сирийской государственности. Указывая на неясность рамок будущего политического урегулирования в Сирии и глубокие внутренние проблемы в регионе, Дмитрий Евстафьев критически оценивает шансы на его прочную военно-политическую стабилизацию и необходимую для того социально-экономическую модернизацию.

В этом выпуске "Russia Confidential" - о неизбежности военно-политического обострения в сирийском конфликте и о надвигающихся сложностях "переходного периода", о том, почему так важно лидерство в разгроме ИГ и почему "тлеющий" военный конфликт в регионе может оказаться более благоприятным для его внешних участников, нежели попытки реальной стабилизации ситуации.

НАВСТРЕЧУ ПОЛИТИЧЕСКОМУ УРЕГУЛИРОВАНИЮ: КУРС НА БОРЬБУ ЗА ТЕРРИТОРИИ

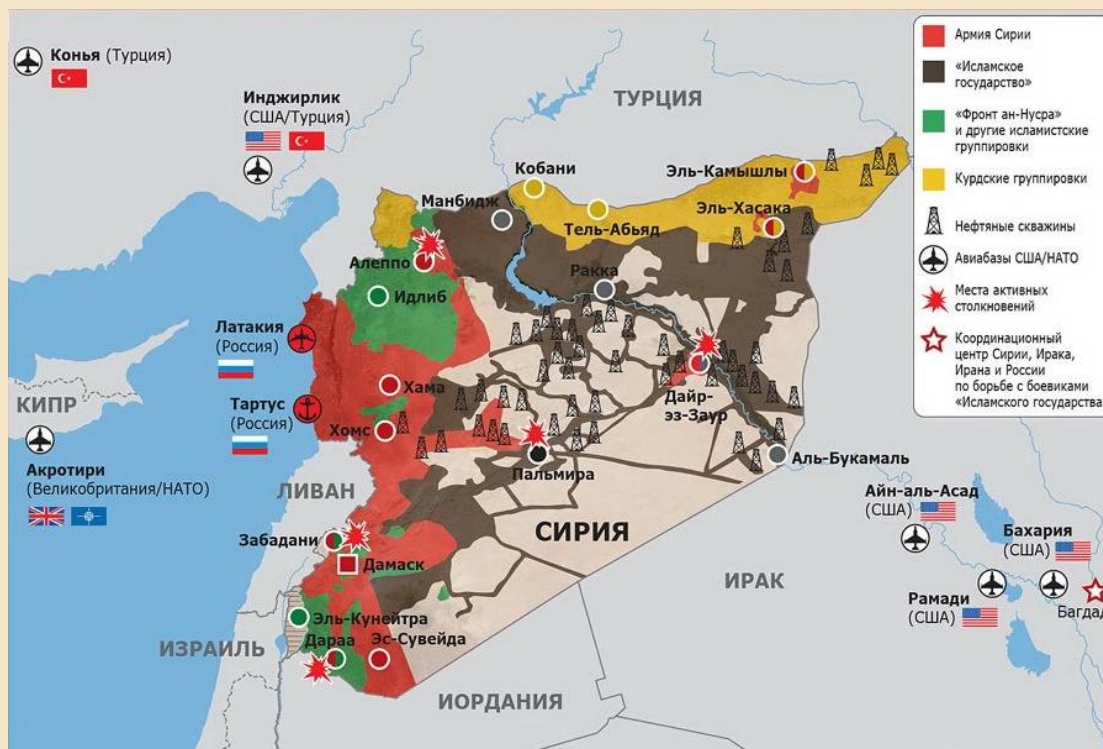
Благодаря успехам военной операции России в Сирии, на сегодняшний день кажется практически неизбежным освобождение Пальмиры (Тадмора) войсками Башара Асада. Это позволит восстановить сухопутный коридор на Дайр эз-Заур, обеспечивая выход правительственных войск как к южным границам Сирии (в зоне, прилегающей к Дераа, а также в провинции Кунейтра), так и к северным (туркоманские районы и г. Джиср-аш-Шукур). А это будет означать не просто перелом в военной составляющей сирийского конфликта. Это приблизит тот рубеж, когда чисто военные инструменты перестанут играть доминирующую роль и приоритетным станет воссоздание политических институтов и новой системы власти.

И тут, вероятно, возникнут значительные трудности.

Проблема заключается в отсутствии даже приблизительного понимания будущих рамок политического урегулирования в Сирии. Неудача в формировании единой антитеррористической коалиции привела к тому, что нет ясности ни относительно списка участников будущего *переходного периода* (если таковой в принципе случится), ни относительно даже общих контуров структуры сирийской власти. Кстати, Россия – на правах фактического лидера антитеррористической коалиции – могла бы и здесь проявить лидерство, благо уровень доверия с Дамаском у Москвы сейчас высочайший и вряд ли правительство Асада будет всерьез возражать против активной роли России в этом вопросе.

Это означает, что политическое конструирование также будет носить конфронтационный характер: в его основе будет не попытка достичь консенсуса основных политических сил (не столько "умеренных", сколько контролируемых), а стремление разменять контроль территории на политическое и экономическое влияние. Для иного уровня институционализации политики в Сирии слишком слаб.

В целом, можно с уверенностью ожидать, что активность различных участников конфликта в наземных операциях в ближайшие недели существенно увеличится, причем от попыток контроля логистики начнется переход к борьбе за территории. Ключевыми среди них, особенно с точки зрения российского участия в сирийском конфликте, является идлибский эксклав радикальных исламистов и территория провинции Ракка.

- Без ликвидации **идлибского эксклава** невозможно в полной мере восстановить **связность** (управленческое и экономическое единство) территории, контролируемой правительством Асада. В условиях существования масштабного и потенциально самообеспечиваемого **идлибского эксклава** возможности правительства навязывать свою политическую волю другим участникам будущего переговорного процесса будут существенно ограничены. Напротив, если этот эксклав будет ликвидирован или хотя бы рассечен на несколько более мелких котлов, то политические позиции правительства Асада станут крайне сильными, практически доминирующими. Военные шансы на такое развитие ситуации есть, но для этого потребуются, вероятно, более активное участие России в конфликте.
- **Провинция Ракка** важна не только и не столько как место, провозглашенное оплотом **ИГ**, но и как важнейшая в логистическом и экономическом плане территория, после утраты которой **ИГ**, да и в целом радикальные исламисты почти наверняка утратят способность к системной деятельности и превратятся в обычных боевиков с малоэффективным центральным командованием и спорадическим финансированием.

ОТ РАЗДЕЛА НАСЛЕДСТВА АН-НУСРЫ К РАЗДЕЛУ НАСЛЕДСТВА ИГ: КУРС НА ОБОСТРЕНИЕ

Таким образом, и политически, и военно-политически ситуация в краткосрочной перспективе будет неизбежно обостряться.

Сейчас мы в основном наблюдаем борьбу за *раздел наследства ан-Нусры**, в котором верх пока что берут Башар Асад и его союзники при активной поддержке со стороны России. Следующим этапом, очевидно, станет борьба за *раздел наследства ИГ*, и тут шансы Дамаска не столь безусловны, если только не произойдет резкого усиления военной активности и Сирийской арабской армии, и российских воздушно-космических сил. Некоторые признаки этого в начале декабря стали обозначаться.

Лидерство именно в разгроме *ИГ* важно по следующим причинам:

- *Разгром ИГ и занятие стратегически важных территорий, которые контролирует эта организация, будет означать занятие ключевого района с точки зрения последующего управления всеми силовыми и экономическими процессами на Ближнем и Среднем Востоке.*
- *Демонтаж "наследства ИГ" будет означать завершение сирийского конфликта в том виде, как он позиционирован на мировой политической арене и как его воспринимает мировая общественность. То есть именно в вопросе разгрома ИГ будет решаться вопрос о «главном победителе» - хотя до стабилизации в Сирии и Ираке будет еще очень далеко.*
- *"Наследство ИГ" несет в себе значимый экономический компонент, который бессмысленно полностью разрушать в ходе воздушной кампании, поскольку это будет препятствовать последующему восстановлению и Сирии, и региона в целом. Сила, которая сможет контролировать экономическое наследство ИГ, получит значимые преимущества в период реконструкции.*

От того, кто будет лидером в демонтаже *наследства ИГ*, зависит и то, кем, как, насколько быстро и в какой форме будет решаться вопрос о статусе территорий, населенных **курдами**. Если до обострения российско-турецких отношений какая-либо формальная институционализация курдской автономии была маловероятна, то теперь этот вопрос уже не столь однозначен. Это создает значимые вызовы для всех участников силового противоборства/взаимодействия.

В целом, шансы сторонников и союзников Башара Асада первыми взять Ракку, город-символ победы над *ИГ*, пока несколько ниже, нежели у проамериканской коалиции с участием курдов. А это значит, что моральное первенство, исключительно важное на Ближнем Востоке, в эндшпиле конфликта может остаться не за Дамаском и Москвой.

* *Фронт ан-Нусра* – сирийское отделение террористической организации Аль-Каида (запрещенная в России группировка).

Безусловно, данный имиджевый фактор для российской политики в регионе решающим не является. Куда более приоритетной и выполнимой является консолидация территории, которая в настоящее время контролируется Дамаском. Для России – несмотря на все формальные политические заявления – в принципе, приемлем вариант глубокой реструктуризации сирийской государственности, не обязательно сохраняющей Сирию в прежних границах. Однако с точки зрения укрепления внешнеполитического имиджа Москве было бы желательно закрепить именно за собой статус победителя ИГ. Это дало бы ей возможность более уверенно взаимодействовать не только с оппонентами (прежде всего, с США), но и с союзниками, имеющими в Сирии собственные, несколько отличные от российских, интересы.

ВНЕШНИЕ СИЛЫ В СИРИЙСКОМ КОНФЛИКТЕ: КУРС НА ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ТОРГ

Несомненно, главным проигравшим в этом новом перераспределении сил будет **Турция** – и, вероятно, **Катар**, поддерживающие наиболее радикальные группы в оппозиции. Следует предположить, что Россия и далее будет усиливать военное давление на группы, прямо или косвенно связанные с этими странами-спонсорами и что они будут исключены из числа активных участников переговорного процесса по Сирии. И это даже в том случае, если не будет дальнейшей силовой дестабилизации в российско-турецких отношениях.

Но другие участники военно-силовых процессов в Сирии, оппонировавшие режиму Башара Асада, и России в целом, вероятно, усилятся. А это значит, что *военно-политический торг* о судьбе не только Сирии, но и того, что на языке геополитики называется *Большой Левант*, будет вестись, прежде всего, с **США** и, видимо, с **Саудовской Аравией** в не менее жестком ключе, нежели в начале осени 2015 г. Напомним, что тогда после неудачи длительных консультаций об инициировании переговорного процесса в Сирии с учетом интересов Дамаска Россия приняла решение о своем силовом участии в конфликте.

Поэтому значение даже тактических военных успехов, равно как и поражений, в ближайшие недели будет исключительно велико. И западная коалиция несомненно приложит максимум усилий для того, чтобы продвижение правительственных войск в восточном (прежде всего, северо-восточном) направлении шло как можно более медленными темпами.

Несмотря на политические декларации о единстве целей, Сирия и – в меньшей степени – Ирак (хотя и там происходят неоднозначные процессы) не перестают быть территорией "гроху war" для России, США и других государств. Более того, в условиях цепной реакции решений об участии в конфликте (направление авианосца Францией; решение США о проведении ограниченной наземной операции силами специального назначения; вероятно, принятое Россией решение о расширении воздушной кампании; направление войск Германией; концентрация турецких войск на границе) нельзя исключать вариант контролируемой эскалации противоборства внешних сил в регионе.

Таким образом, можно сделать следующие **выводы**:

- Прежде всего, относительно успешное проведение Россией воздушной кампании, даже в условиях активного противодействия со стороны ее партнеров-конкурентов и прямого военного столкновения с Турцией, придало сирийскому конфликту более благоприятное качество для **Дамаска** как союзника Москвы.
- В сентябре 2015 г., когда началось российское участие в сирийском конфликте, опасность его разрастания была весьма велика – особенно в направлении Иордании, Ливана, отдельных регионов Турции (прежде всего, Курдистана). Ныне конфликт удается сдерживать и даже сокращать масштаб затронутых им территорий. Существенно сократилось и количество активных сил, которые сейчас (в отличие от ситуации двухлетней или даже годичной давности) заинтересованы в поддержании управляемого хаоса в этом важнейшем с геополитической точки зрения регионе. Это говорит о том, что конфликт, имевший во многом внутренние корни, управлялся и спонсировался извне. С развитием воздушной кампании России в Сирии, направленной на подрыв экономической базы ИГ и исламских радикалов в целом, внутренние источники сирийского конфликта будут еще больше сокращаться.

Пожалуй, среди сторонников хаотизации региона остались лишь **Турция** и **Катар**, да отдельные группы в американской элите. Ни США, ни Израиль, ни нефтяные монархии Персидского залива сейчас уже нельзя отнести к спонсорам этого процесса. Они куда более заинтересованы в том, чтобы вернуть конфликт в относительно управляемое русло и ограничить тот ущерб, который деятельность ИГ и ее структур-аффилиатов нанесла прозападным силам в регионе. Неясной остается позиция Саудовской Аравии, которая сохраняет относительно агрессивную риторику в отношении ситуации в Сирии, но при этом все больше увязает во внутривосточных проблемах и войне в Йемене. Видимо, пока все же стоит рассматривать Саудовскую Аравию в качестве потенциально дестабилизирующей силы в регионе.

- Что касается **России**, то она получила шанс трансформировать заметные военные успехи в политические позиции на период после формального разгрома ИГ и радикальных исламистов в целом. Однако это потребует от Москвы не только нового уровня силовых инструментов, но и активного участия в воссоздании политических и социальных институтов в Сирии. А это – существенно более масштабная задача, нежели военный разгром радикального исламизма и нейтрализация позиций его спонсоров. Для ее реализации России понадобится новый уровень политических отношений и взаимопонимания с ключевыми участниками политического процесса в Сирии: Ираном, ЕС и, вероятно, США – если Вашингтону удастся удержать контроль над своими курдскими союзниками. В этом смысле, время для формирования полноценной антитеррористической коалиции в Сирии и Ираке (про последнюю страну как потенциальный очаг *возвратной дестабилизации* забывать нельзя) придет именно на этапе жестких переговоров о структуре и основных политических параметрах освобожденного от исламистов пространства.

ВЫБИРАЯ ДОЛГОСРОЧНЫЙ КУРС: РЕАЛЬНАЯ СТАБИЛИЗАЦИЯ ИЛИ *ТЛЕЮЩИЙ* КОНФЛИКТ?

Помимо воли и ресурсов внешних участников процесса, есть несколько существенных факторов, которые мешают полностью снять с повестки дня вариант «хаотизации». Это:

- 1) *нахождение в руках негосударственных структур колоссального объема наступательных вооружений (ракетное оружие, как полученное от спонсоров, так и кустарного изготовления);*
- 2) *стойкость идеологии неоваххабизма, которая после военной победы над ИГ и радикальными исламистами может обрести еще более жесткие антисистемные формы;*
- 3) *формирование в течение 2014-2015 гг. мощной экономической базы конфликта, в которую оказались встроены многие силы и прямо или косвенно вовлечены миллионы человек. Эта "инерция экономических интересов", с проявлениями которой Россия столкнулась в своих отношениях с Турцией, не может быть преодолена только на политическом и, тем более, военно-силовом уровне – понадобится значительное время относительно спокойного развития;*
- 4) *почти полная деструкция социальных и социально-политических институтов в регионе: отсутствие вмещающего "социального ландшафта" для сотен тысяч людей, последние пять, а то и больше лет занимавшихся преимущественно военным делом.*

Несмотря на то, что значительная часть потенциала модернизации на Ближнем Востоке оказалась съедена конфликтом с ИГ, перспективы для ее возобновления имеются. Однако экономическая – прежде всего, промышленная – модернизация в регионе может быть реализована только при двух принципиальных условиях:

- создание основ системы коллективной безопасности и взаимного доверия, исключая или хотя бы снижающих возможности нетранспарентных альянсов (каковыми длительное время были израильско-турецкие, турецко-саудовские и сирийско-иранские отношения);
- перестройка систем власти стран региона с приданием им большей гибкости и демократичности – иначе в дальнейшем нельзя будет исключить повторение событий арабской весны, причем в еще более опасных формах.

Готов ли к этому Ближний Восток? Сомнительно. Поэтому придется исходить из того предположения, что нестабильность на Ближнем и Среднем Востоке – это надолго и ее сдерживание только военными и даже военно-политическими методами может дать лишь ограниченный эффект. Вероятнее всего, если сирийский очаг конфликта удастся погасить, дестабилизация проявится в ином, но соседнем регионе. В то же время, относительная военная стабилизация ситуации в Сирии и Ираке дает шанс на глубокую реструктуризацию всего региона Ближнего и Среднего Востока, но наталкивается на дефицит политической воли и архаические политические институты во многих критически важных странах. Это, в свою очередь, создает такую логику развития ситуации, когда тлеющий военный конфликт, в котором постепенно стораает человеческий и военно-технический потенциал новой волны исламизма, может оказаться более благоприятным и менее затратным – прежде всего, для внешних участников конфликта, – нежели попытки реальной стабилизации ситуации.

Автор материала: Дмитрий Евстафьев, канд. полит. наук, профессор Национального исследовательского университета – Высшей школы экономики, член Совета ПИР-Центра.

Редактор: Юлия Фетисова

(c) Международный клуб Триалог: trialogue@pircenter.org;
(c) Centre russe d'études politiques: crep@pircenter.org
Москва-Женева, Ноябрь 2015 г.

Выдержки из документа «Международный Клуб Триалог. Условия и правила членства».

3. Права членов Клуба

3.1. Индивидуальные члены Клуба имеют право:

3.1.3. Получать 1 экземпляр бюллетеня эксклюзивной аналитики *Russia Confidential* по электронной почте, на выбранном языке (русском или английском). По правилам Клуба, передача бюллетеня третьим лицам не допускается.

[...]

3.2. Корпоративные члены Клуба имеют право:

3.2.3. Получать 2 экземпляра бюллетеня эксклюзивной аналитики *Russia Confidential* по электронной почте, на выбранном языке (русском или английском) либо на обоих языках одновременно, передавать этот бюллетень другим представителям корпоративного члена Клуба. По правилам Клуба, передача бюллетеня третьим лицам, не являющимся членами Клуба, не допускается.

[...]

4. Обязанности членов Клуба

4.1. Все срочные члены Клуба обязаны:

4.1.6. Не передавать полученные материалы бюллетеня *Russia Confidential*, а также пароли доступа на сайт Клуба физическим и юридическим лицам, не являющимся членами Клуба.

[...]

6. *Russia Confidential*

6.1. Бюллетень эксклюзивной аналитики *Russia Confidential* выпускается ООО «Триалог» исключительно для личного пользования членов Клуба.

6.2. Бюллетень содержит сжатую эксклюзивную аналитику по вопросам международной безопасности, внешней и внутренней политики России и государств СНГ, подготовленную ведущими экспертами специально для *Russia Confidential*.

6.3. В течение не менее 30 дней со дня выхода материалы бюллетеня являются конфиденциальными и не могут цитироваться и передаваться лицам, не являющимся членами Клуба.

6.4. По прошествии не менее чем 30 дней ООО «Триалог» может снять эксклюзивный и конфиденциальный статус с материала, после чего в этих случаях он может быть опубликован в других изданиях и может быть использован для цитирования членами Клуба.

6.5. Бюллетень распространяется по электронным адресам членов Клуба 1 раз в месяц по русскому или английскому языку, по выбору члена Клуба.

6.6. По запросу члена Клуба, он может также получить бумажную версию бюллетеня на выбранном им языке.

Уважаемые члены Международного клуба Триалог,

продолжается сезон-2015 работы Клуба, и мы рады **пригласить Вас продлить членство в Международном клубе Триалог на 2016 год или на 2016 - 2017 годы**, если Вы еще не сделали этого.

В 2016 г. члены Клуба продолжают получать от нас эксклюзивную информацию по вопросам, связанным с приоритетами внешней политики Российской Федерации, а также современными вызовами и угрозами международной безопасности. На 2016 г. запланировано проведение **5 заседаний Международного клуба Триалог**, 4 из которых пройдут в Москве, а 1 за рубежом. Члены клуба получают 4 номера ежеквартального журнала *Индекс Безопасности в электронном виде* и 2 номера в печатном (в 2016 г. только на русском языке), **12 номеров** бюллетеня эксклюзивной аналитики *Russia Confidential* (на русском или английском языке), наши электронные информационные и аналитические рассылки.

Как и прежде, специалисты Международного клуба *Триалог* и партнерской организации ПИР-Центра открыты к обмену мнениями по ключевым международным проблемам.

С 2016 г. размер ежегодного взноса за членство в Клубе *Триалог* составляет:

Период	Индивидуальное членство	Корпоративное членство
01.01.16. – 31.12.16. (1 год)	50 000 руб.	80 000 руб.
01.01.16. – 31.12.17. (2 года)	90 000 руб.	140 000 руб.

Напоминаем Вам, что в рамках **корпоративного** членства действует **схема «1+1»**, когда в работе Клуба участвуют **два представителя** одной организации.

По всем вопросам, связанным с членством в Международном клубе *Триалог*, следует обращаться по электронной почте secretary@trialogue-club.ru или по тел.: +7 (985) 764-98-96.

С уважением,

**Председатель,
Международный клуб
Триалог**

Д.В. Поликанов